

Шэнь Су не ожидал, что она ответит:

— Мама, я не виню тебя за то, что ты не хочешь уходить, но ты не должна была прикрываться отцом. Ты говоришь, что хочешь охранять его могилу, но разве это не смешно? Что значит дядя Дали?

— Ты думаешь, я хочу делать то, за что люди будут тыкать в меня пальцем?

Ли Чуньхуа тоже разозлилась:

— Ты преподаёшь эту ерунду, сколько денег ты приносишь домой? Их даже не хватает на твои старые книги. Ты хоть раз посмотрел, сколько они стоят? Парень из семьи Бай совсем не понимает ситуацию. Ты думаешь, мне легко вытянуть из него деньги? Каждый раз тётушка Ван следит за мной, боясь, что её семья упустит свою долю. Она даже не думает, что после того, как из семьи Бай ушли двое, она опустошила их дом, и парень ненавидит её. Даже если бы он выбросил всё в воду, он бы не позволил ей забрать ни крошки... Если бы я не нашла Бай Дали, который может работать и у которого нет привязанностей к дому, как бы я одна справилась с хозяйством? Твой отец просто умер, бросив всё на мне. Что мне делать? Скажи, что мне делать!

Шэнь Су с одной стороны чувствовал себя таким глупым и наивным, а с другой считал идею Ли Чуньхуа найти Бай Дали, чтобы тот в качестве рабочей силы вошёл в семью, неслыханной. Он действительно не мог винить Ли Чуньхуа. Если бы он уделял больше внимания дому, она бы не придумывала всё новые способы «заработать серебро».

Сказав всё это, Ли Чуньхуа сразу воспряла духом, выпрямила шею и не хотела сдаваться. Она поняла: раз Шэнь Су с ней спорит, значит, он не собирался умирать, и на убийство матери он не способен. Она успокоилась и решила ждать, кто первый прогнётся. С этой мыслью она даже нашла время привести в порядок макияж, который испортила, когда выходила из себя.

Шэнь Су был совершенно измотан, плюс уголь горел уже давно, веки налились тяжестью, и он просто закрыл глаза, ожидая.

Ли Чуньхуа, поправляя пряди у висков, заметила, что Шэнь Су, кажется, уснул. Сердце её ёкнуло, она протянула руку, проверить, дышит ли он. Рука только коснулась его, как Шэнь Су открыл глаза. Ли Чуньхуа отдернула руку и неловко сказала:

— Нельзя спать в этой комнате, нет вентиляции, уснёшь — не проснёшься. Давай выйдем наружу, если есть вопросы — спрашивай потихоньку. Я же твоя мать, всё, что я делаю — ради твоего блага. Рано или поздно мне всё равно спуститься к твоему отцу...

Встретившись с холодным взглядом Шэнь Су, Ли Чуньхуа сжалась и пробормотала:

— Что бы там ни было, я всё равно заберу с собой, всё твоё будет.

Шэнь Су приоткрыл веки, посмотрел на неё и произнёс:

— Мама, я твой сын, я знаю. Что бы ты сейчас ни говорила, это всё бессмысленно. Как только мы выйдем отсюда, ты сразу передумаешь.

— Нет, мама обещает, не передумаю, клянусь, — уверенно заявила Ли Чуньхуа.

— Я обязательно уеду в уездный город, что ты будешь делать?

Ли Чуньхуа на этот раз даже не колебалась:

— После смерти мужа сын становится опорой. У меня только ты, сынок, твоего отца нет, и я обязательно пойду за тобой.

Шэнь Су покачал головой:

— Неправда. Ты можешь потребовать, чтобы я отдавал тебе всю свою ежемесячную плату, и если я не отдам — значит я неблагодарный сын. Если я отдам всё, у меня не будет денег в городе, и я не смогу там жить, тогда сам вернусь. Не говори, что ты так не сделаешь. Ты даже не спрашивала, какую работу я буду искать в городе и какая будет зарплата, сразу требуешь два лян. Что же ты ещё не можешь сделать? Ты не думала о том, что я могу просто бросить этот дом и уйти навсегда? Сейчас повсюду неурожай и голод, а если я решу уйти по-настоящему, смешаясь с беженцами — никто меня не найдёт.

— Я... — Ли Чуньхуа встревожилась, но она не считала себя виноватой, только подумала, что её подруги ненадёжны: они не учли, что Шэнь Су действительно могут заставить притвориться беженцем и сбежать. Похоже, ей нужно быть осторожнее.

Шэнь Су и так знал её мысли, но именно оттого, что знал, движение её бровей заставляло его чувствовать ещё больший холод в сердце. Он не выдержал и заговорил с упрёком:

— Даже если я, твой сын, буду упрямым, ты можешь пустить слух по деревне, что я неблагодарный, бросил мать-вдову, и призвать всю деревню осуждать меня. В династии Чжоу почитают сыновнюю почтительность, стоит лишь обвинить меня в неблагодарности, и я никуда не уеду, буду вынужден остаться с тобой. А за мной будут следить вся деревня, город, чиновники... О чиновничьей карьере можно забыть. Из деревни Бай мне не уйти, придётся всю жизнь оставаться с тобой, мамой, простым крестьянином, пахать ту землю.

Ли Чуньхуа только сейчас осознала, что в порыве гнева велела главе деревни с людьми искать Шэнь Су, сказав, что он неблагодарный сын и сбежал. Какое это серьёзное обвинение! Она немного струхнула и сказала:

— Ты же не сбежал. Теперь глава деревни и все знают, что ты не уходил, так что никто не будет тебя осуждать. Если кто-то скажет, мама за тебя заступится. Ты просто занимайся своим делом, учись, а не получится — преподавай. Работа в поле не для тебя, семья Шэнь — учёная, нельзя быть как деревенские, которые целыми днями бездельничают да возятся с клочками земли.

— Мама, ты... — Шэнь Су правда не знал, считать Ли Чуньхуа хитрой или глупой. — Ты думаешь, что этот шумиху не выйдет за пределы деревни? Стоит такому случиться, и неважно, каким будет результат и кто виноват, о карьере чиновника можно забыть, начальство меня не примет.

Конечно, способ был, но Шэнь Су хотел навсегда отбить у Ли Чуньхуа эту охоту, а заодно вызвать у неё чувство вины, чтобы в будущем ему проще было что-то предпринять, а Ли Чуньхуала бы начала пользоваться головой, а не идти на поводу у деревенских. Кто знает, кто стоит за словами её подруг.

Услышав это, Ли Чуньхуа поняла, насколько всё серьёзно, и с горьким лицом произнесла:

— Что же делать? Твой отец всегда хотел, чтобы ты стал чиновником, как же так вышло? Я пойду извинюсь, объясню начальникам, закон милостив, ведь есть же шанс?

Шэнь Су покачал головой:

— Шанса нет. И никто не наймёт учителя с дурной славой неблагодарного сына. В будущем я не смогу преподавать, нигде. Разве что убежать далеко на юг или на север. Ты думаешь, почему глава деревни не воспользовался моментом и не предложил мне продолжить преподавать в деревне? Тогда был отличный момент: меня оклеветали, глава деревни мог бы меня поддержать, предупредить жителей, чтобы они не болтали лишнего, и сделать мне одолжение. Почему он этого не сделал? Потому что моя репутация испорчена, и если меня наймут, это навредит деревенским детям.

Ли Чуньхуа чувствовала себя как во сне: всё шло не так, как планировала, и они зашли в такой тупик. Как так получилось?

— Поэтому, мама, давай вместе поищем моего отца. В следующей жизни родимся в хорошей семье... — Шэнь Су с серьёзным видом её водил за нос.

— Нет. — Ли Чуньхуа отказалась. Ей уже было стыдно видеть старейшину Шэня, а к тому же она довела единственного сына семьи Шэнь до такого состояния. Какой у неё лицо смотреть в глаза предкам семьи Шэнь? — Су, мама в будущем всё будет слушать тебя. Я подпишу бумагу, ты её сохрани, нельзя, чтобы род Шэней прервался. Если род Шэней прервётся по моей вине, мама после смерти попадёт в ад... Су, мама знала, что была неправа...

Она быстро встала, порылась на столе в поисках бумаги и кисти, долго мучилась, но написала, что в дальнейшем будет во всём подчиняться Шэнь Су, что Шэнь Су — очень почтительный сын, и она как мать радуется этому, но сама она невежественна и у неё, возможно, бывают приступы безумия, и она боится, что её бред навредит сыну, поэтому написала это как доказательство: если в будущем она сойдёт с ума, это будет свидетельством.

Ли Чуньхуа когда-то выучила несколько иероглифов, чтобы угодить старейшине Шэню, писала она коряво, но всё-таки написала. Не жалея боли, она прокусила палец и поставила отпечаток. Шэнь Су сунули бумагу в руки, он бросил на неё взгляд и с трудом удержался от смеха. Ради жизни Ли Чуньхуа готова сказать даже то, что у неё сумасшествие. Хотя в случае чего большой пользы от этого не будет, но хотя бы немного её остудит.

— Когда выйдем наружу, попросим главу деревни стать свидетелем, — предложила Ли Чуньхуа, боясь, что Шэнь Су не поверит.

Шэнь Су кивнул:

— Я оставил наверху отверстие, но сейчас у меня нет сил туда подняться, и ты тоже не сможешь... Осталось только ждать, пока кто-нибудь придёт спасать...

Услышав это, Ли Чуньхуа рухнула на пол и беззвучно начала вытирать слёзы.

— Учитель.

Негромкий стук в дверь и детский голосок.

В этот момент Ли Чуньхуа и Шэнь Су были уже в полубессознательном состоянии, но уши у Ли Чуньхуа были чуткими: она уловила этот слабый звук и изо всех сил закричала:

— Здесь, здесь... Быстрее, помогите... Спасите...

Ей казалось, что она кричит во весь голос, но для посторонних это было лишь невнятное мычание.

<http://bllate.org/book/16447/1491324>